Daudre, Andre

Ardzhen'   onskaia
madonna

Moskva

[19--]

Reel: 51 Title: 15

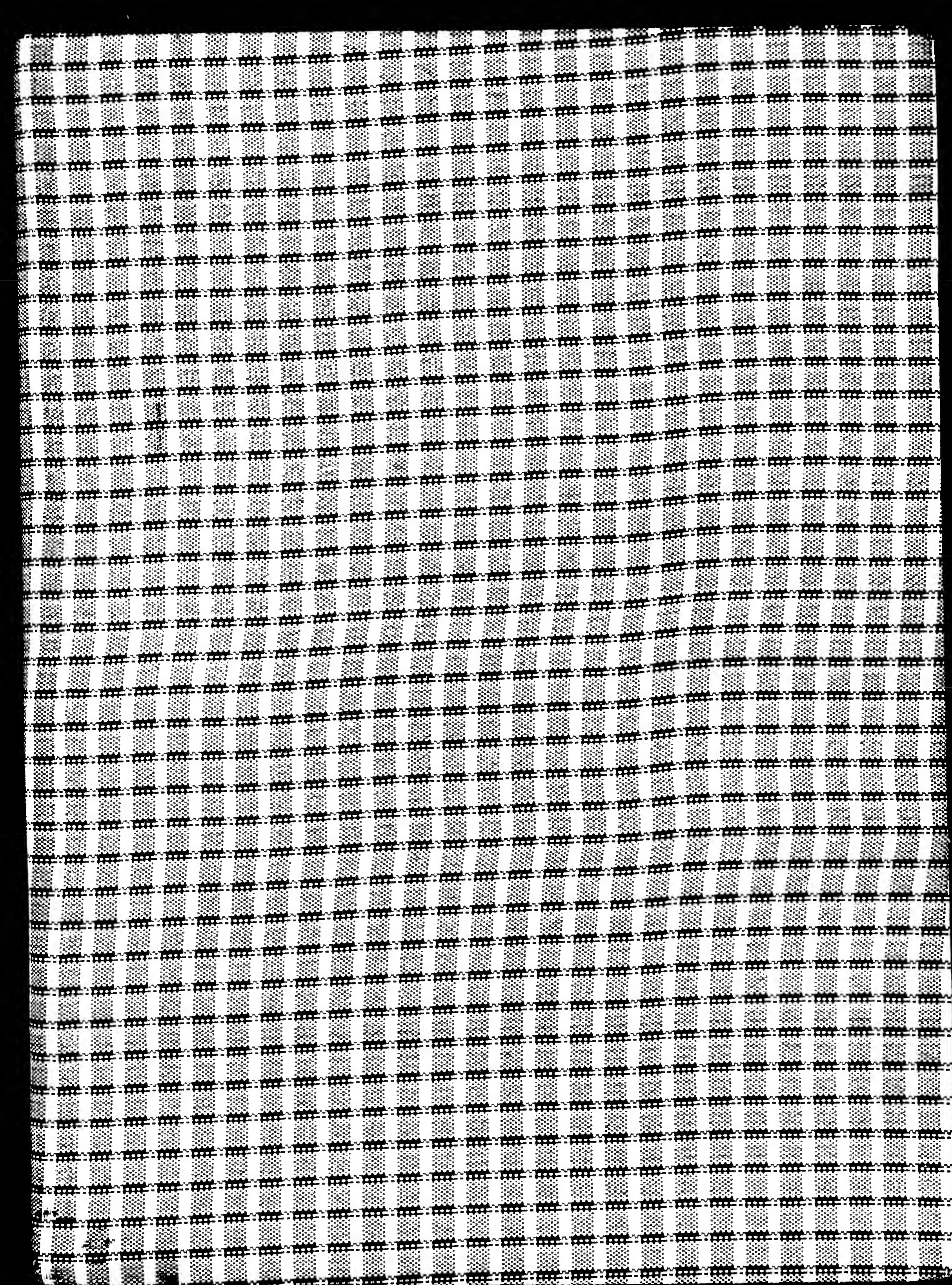
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCl00051.15

Control Number: BGM-5733
OCLC Number : 24887973
Call Number : W 381.5917N D264a
Author : Daudre, Andre.
Title : Ardzhen'onskaia madonna : razskaz / Andre Dodre ; perevod s frantsuzskago V. Kriv-skoi.
Imprint : Moskva : Kn-vo "Zviezda" N. Orfenov, [19--]
Format : 59 p. ; 17 cm.
Note : Color illustrations on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: AR

Два чуда
или
счастливая
пара.
или
Мадонна

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 6.

АНДРЭ ДОДРЭ.

АРДЖЕНЬОНСКАЯ МАДОННА.

РАЗСКАЗЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
В. КРИВ—СКОЙ.

МОСКВА.
Книгоиздательство „ЗВѢЗДА"
Н. Орфеновъ.

МОСКВА.
Тип. «Рекордъ». Арбатъ Б. Афанасьевскій, 32.

АРДЖЕНЬОНСКАЯ МАДОННА.

I.

Пьеринна сидѣла на низенькой стѣнѣ сада, расположеннаго террасами, усаженными виноградомъ и оливками; Джино лежалъ на травѣ у ея ногъ.

Осень только что начиналась, однако ночь была прохладнѣе и темнѣе, чѣмъ обыкновенно въ это время. Рѣдкія звѣзды выглядывали тамъ и сямъ въ прорывахъ густыхъ облаковъ, которые еще съ вечера, какъ несмѣтныя непріятельскія полчища, выстроились въ вышинѣ. Было тихо. Далекій ручей, по-

полнившійся водой отъ недавнихъ дождей и прорвавшій плотину у мельницы, одиноко роптать въ ночномъ безмолвіи.

Каждый вечеръ двое влюбленныхъ встрѣчались здѣсь на дорогѣ, которая вела изъ Ардженьо въ Дицаско. Они были помолвлены, и поэтому Пьеринна не смущалась этими поздними свиданіями съ Джино. Бесѣды ихъ были несложны и состояли изъ ласковыхъ словъ или изъ проэктовъ ихъ будущей семейной жизни.

Пьериннѣ было девятнадцать лѣтъ, и она работала въ Кампо на шелкопрядильнѣ; Джино былъ сынъ цѣловальника въ Дицаско и не выбралъ еще себѣ никакого занятія, въ ожиданіи призыва на военную службу. Днемъ онъ помогалъ отцу услуживать проѣзжающимъ въ дилижансѣ, ночью случалось угощать и выпивать самому съ контрабандистами изъ Швейцаріи, а потомъ помогать имъ спускаться съ тяжелыми тюками до Колонно, гдѣ ждали ихъ лодки для переправы черезъ Комское озеро.

Въ планахъ Джино на будущее профессія контрабандиста стояла далеко не на послѣднемъ мѣстѣ, и понятно, что на разска-

захъ объ опасныхъ приключеніяхъ этого доходнаго и почетнаго въ горахъ интельви званія онъ останавливался долѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ. Удовольствіе, которое доставлялъ себѣ Джино этими разсказами, возростало вмѣстѣ съ испугомъ, который все больше и больше выражался въ глазахъ и на лицѣ Пьеринны; и только когда уже дѣвушка, вскрикнувъ, бросалась къ Джино и, охвативъ его голову руками, просила не браться за это ремесло, онъ умолкалъ, понявъ, что зашелъ слишкомъ далеко.

Сегодня особенно легко было напугать Пьеринну. Развѣ не слышалъ Джино всего двѣ недѣли тому назадъ свистъ пуль итальянскихъ пограничниковъ надъ своей головой? Пьеринна не могла вспомнить безъ содроганія и ужаса объ этомъ происшествіи и всетаки постоянно вспоминала о немъ.

Старый Анжело попался въ засаду и выстрѣломъ въ грудь былъ убитъ наповалъ въ ту минуту, когда онъ заряжалъ свой револьверъ. Сынъ его, Пьетро, также раненый выстрѣломъ, отчаянно отбивался отъ погони, но, потерявъ послѣднія силы, предпочелъ смерть тюрьмѣ и бросился въ пропасть.

Джино скрылся невредимымъ благодаря лѣсной чащѣ и быстротѣ своихъ ногъ. На слѣдующее утро, когда толпа монтаньяровъ двинулась на убійцъ-пограничниковъ, Джино былъ въ первомъ ряду нападавшихъ.

Потомъ онъ храбро проводилъ оставшихся въ живыхъ послѣ злополучной экспедиціи контрабандистовъ, а въ сегодняшнюю ночь онъ отправляется на самостоятельное дѣло, за собственный счетъ и рискъ.

На деньги, полученныя его отцомъ въ задатокъ съ одного соучастника, Джино купилъ въ Швейцаріи тюкъ табаку и спряталъ его до наступленія ночи въ надежномъ мѣстѣ. Въ полночь онъ долженъ встрѣтиться съ тремя опытными товарищами, которые предложили ему переправить его на своей баркѣ. Приглашеніе, правда, не безкорыстное; во всемъ округѣ знаютъ, что Джино—гребецъ не изъ послѣднихъ и имѣетъ довольно солидные мускулы.

— Ахъ, какъ страшно, Джино,—шептала Пьеринна, прижимаясь щекой къ плечу возлюбленнаго.—Я боюсь за тебя: вѣдь ты ни разу еще не переправлялъ контрабанду черезъ озеро. Можетъ случиться что-нибудь.

И она безпокойнымъ взглядомъ слѣдила за крадущимися движеніями прожектора, который въ эту самую минуту направили съ маяка Санъ-Джіовани. Джино поднялъ голову и сжалъ маленькія руки Пьеринны въ своихъ.

— Успокойся,—сказалъ онъ.—Луны не будетъ, и никогда еще товарищи не принимали такъ много предосторожностей, какъ сегодня. Около полуночи двое изъ нашихъ отправятся въ лодкѣ изъ Лимонта и вдоль берега прокрадутся въ Лекко. Лодка у нихъ будетъ наполнена хворостомъ, въ который они вставятъ большія вѣтви деревьевъ, такимъ образомъ, что ее будетъ очень трудно отличить отъ кустарника на берегу. Ловкимъ маневромъ они покажутся въ полосѣ свѣта какъ разъ въ то время, когда блеснетъ первый прожекторъ. Съ маяка тотчасъ же дадутъ сигналъ развѣдчику; онъ, конечно, остановитъ лодку и поймаетъ запоздавшихъ дровосѣковъ, которые расхохочутся прямо въ лицо слишкомъ усердной стражѣ. Въ это время я и трое другихъ товарищей отчалимъ въ Колонно безъ всякаго опасенія,

что насъ побезпокоятъ: вѣдь горный мысъ Белладжіо укроетъ насъ отъ прожекторовъ. И пока развѣдчикъ вернется въ воды Варенны, мы причалимъ уже къ Леццено.

И чтобы развеселить Пьеринну, онъ, приплясывая въ тактъ, пропѣлъ шутливую пѣсенку про угрюмое положеніе деревушки:

„Бѣдный Леццено! ты не знаешь солнышка зимой и луны не видишь лѣтомъ!"

Потомъ онъ черкнулъ спичкой и посмотрѣлъ на часы:

— Одиннадцать. Пора бѣжать.

Онъ помогъ Пьериннѣ спуститься со стѣны и получилъ за это поцѣлуй.

Затѣмъ они бросились бѣжать по канавѣ, вырытой когда-то ручьемъ; спотыкаясь и толкая другъ друга, они съ шутками и смѣхомъ достигли до первыхъ домовъ Ардженьо. Изъ открытыхъ оконъ остеріи они услышали бой стѣнныхъ часовъ. Эти неожиданные звуки сначала испугали ихъ, но потомъ они толкнули другъ друга локтемъ и захохотали.

Остановились, чтобы сосчитать удары.

Часы отбивали ихъ съ какой-то важной медлительностью и съ хрипомъ передъ каждымъ ударомъ; это опять насмѣшило ихъ.

— Девять... десять... одиннадцать... Они уже двинулись дальше, когда часы пробили двѣнадцатый ударъ.

Пораженные, они остановились и посмотрѣли другъ на друга.

— Полночь! — вскричалъ Джино, — этого не можетъ быть!

Онъ еще разъ вытащилъ свои часы и подошелъ къ фонарику передъ живописнымъ изображеніемъ Мадонны на углу улицы.

Пьеринна перекрестилась, чтобы отвратить дурное предзнаменованіе.

Машинально Джино поднесъ часы къ своему уху: они стояли. Онъ поблѣднѣлъ.

Полночь! Часъ, въ который онъ долженъ былъ уже встрѣтиться съ товарищами! А ему нужно еще не меньше полчаса, чтобы добѣжать до условленнаго пункта... Но спѣшить теперь безполезно: вѣдь не могли же эти трое товарищей рѣшиться на такое безразсудство, чтобы ждать его!

Что теперь они подумаютъ о немъ? Завтра же они узнаютъ все и, конечно, обидятся. Его будутъ считать трусомъ и лѣнтяемъ, будутъ говорить, что онъ опаздываетъ на работу, потому что ухаживаетъ за смазли-

вымиˊ дѣвченками. Будущее контрабандиста теперь разбито навсегда!

Оставалось единственное средство спасти доброе имя, это—переправить, во что бы то ни стало, свою добычу—тюкъ съ табакомъ—на тотъ берегъ озера...

По интуиціи влюбленныхъ Пьеринна отгадала его замыселъ. Она начала плакать и просить Джино не оставлять ее одну.

Снова послышался бой часовъ. Они сосчитали еще разъ. Двѣнадцать ударовъ, прозвучавшіе отчетливо и какъ-то зловѣще на этотъ разъ, привели ихъ въ ужасъ.

Молодые люди были въ отчаяньи. Пьеринна, конечно, въ глубинѣ души радовалась, что Джино опоздалъ, и такимъ образомъ ему въ эту ночь не грозитъ никакая опасность; но какъ истая дочь монтаньяра, она, какъ и Джино, очень высоко цѣнила то лестное приглашеніе, которымъ почтили ея жениха товарищи. Она понимала также, что теперь его ожидали только позоръ и презрѣніе, но, зная сумасшедшую натуру Джино, боялась сказать что-нибудь. Въ этомъ дѣлѣ вѣдь одинъ только безразсудный шагъ,—и прощай тогда мечты о супружескомъ счастьи!

— Что же ты думаешь дѣлать? — осторожно спросила она.

— Я скажу тебѣ это завтра, Пьеринна. Завтра вечеромъ, тамъ же, у стѣны. А теперь пока—до свиданья!

— Джино, береги же себя!

— Не безпокойся, а лучше помолись за меня. Помолись „нашей“ Мадоннѣ.

— Поцѣлуй меня, Джино.

Парень прижалъ ее къ своей груди, потомъ кивнулъ Мадоннѣ, скупо освѣщенной дымнымъ фонарикомъ на углу улицы, и скрылся въ темнотѣ.

Когда онъ повернулъ за уголъ стѣны, дѣвушка подошла къ образу Мадонны, пала на колѣни и, закрывъ глаза, начала усердно молиться.

Она закрыла глаза, потому что молитва ея обращалась не къ этому некрасивому лицу съ кислой улыбкой, которое смотрѣло на нее съ полотна, освѣщенное дымнымъ фонарикомъ, нѣтъ: она хотѣла молиться другой, той Мадоннѣ, которую Джино назвалъ „наша“ Мадонна и которая была въ тысячу разъ красивѣе и дороже.

Правда, и та Мадонна была обыкновенная

статуэтка изъ гипса, но дѣвушка считала ее величайшей святыней и вѣрила въ нее больше, чѣмъ во всякую другую Мадонну.

И какъ могло быть иначе, когда они вмѣстѣ съ Джино купили ее на свои трудовыя деньги, когда она сама оклеила ее оловянными листочками и блестящими бумажками отъ конфектъ—подарка Джино, привезеннаго ей контрабандой изъ Швейцаріи, подъ самымъ носомъ у итальянскихъ пограничниковъ!

Блестящіе листочки такъ украсили Мадонну, что когда они съ Джино принесли ее въ даръ церкви, то самъ ардженьонскій кюрэ, достойный отецъ донъ Винцензо Конти, похвалилъ усердіе Пьеринны и сказалъ, что принялъ статуэтку за вещь изъ драгоцѣнного металла.

Но и безъ этого какой драгоцѣнный металлъ могъ бы стоить въ глазахъ дѣвушки дороже, чѣмъ эти оловянные листочки отъ конфектъ, подаренныхъ женихомъ?

Благочестивый восторгъ Пьеринны передъ этой Мадонной дошелъ до экстаза, когда достойный кюрэ донъ Винцензо рѣшилъ поставить ея статуэтку на жертвенникъ въ алта-

рѣ той хорошенькой часовни съ плоской крышей и колоннадой вокругъ, которая, какъ древній храмъ богини Любви, одиноко красуется на пригоркѣ, вдали отъ селенія. Пьеринна знаетъ, что не одна пара влюбленныхъ обмѣнялась тамъ первымъ поцѣлуемъ...

Все это проходило въ мысляхъ Пьеринны пока она молилась; передъ закрытыми глазами ея появлялись поочередно пригорокъ, часовня и рядъ колоннъ, между ними—силуэты дона Винцензо, Джино, статуя Мадонны, перевитая снопами красивыхъ злаковъ изъ цвѣтной бумаги, аляповатыя вазы на колоннахъ съ зелеными коленкоровыми пальмами на подобіе вѣера... И казалось ей, что кто-то добрый и всемогущій склонялся надъ нею и внимательно слушалъ ея молитву и готовъ уже былъ исполнить ее.

Пока Пьеринна молилась, стоя на колѣняхъ среди улицы, Джино былъ уже въ гротѣ, гдѣ подъ хворостомъ былъ зарытъ у него тюкъ съ табакомъ. Онъ взвалилъ его на плечи и по оврагу спустился къ озеру. Чтобы избѣжать встрѣчи съ сторожевыми постами, ему нужно было перелѣзть черезъ

нѣсколько заборовъ, прежде чѣмъ достичь берега.

Товарищи, конечно, уѣхали, не дождавшись его. Спрятавъ свою ношу за выступомъ скалы, онъ вдоль песчанаго берега направился къ Колонно за лодкой. Приведя лодку, онъ поставилъ въ нее табакъ и безшумно погружая весла, отчалилъ по направленію къ острову Камацина. Болѣе получаса не видя свѣта съ маяка, Джино рѣшилъ, что стратегія товарищей удалась, какъ вдругъ цѣлый снопъ бѣлыхъ лучей, брызнувшій оттуда, мгновенно извлекъ изъ тьмы всѣ прибрежныя деревушки и рощицы и какъ молніей озарилъ верхушки статуй, зданія и сады далекаго Бальбіанелло.

Ночь была темна, но надъ водой совершенно не было тумана.

Джино видѣлъ, что пройти незамѣченнымъ теперь уже невозможно, поэтому добравшись до ближайшей маленькой бухты озера, онъ остановился и, укрывшись подъ листвой оливковыхъ деревьевъ, принялся за наблюденія надъ маневрами на маякѣ.

Лучъ прожэктора внимательно обшарилъ

изгороди деревушки Санъ-Джіовани по ту сторону озера и скрылся.

Но, быть можетъ, тамъ, за береговыми утесами, спрятался развѣдчикъ рѣчной полиціи и заманиваетъ его въ засаду, какъ было въ прошлый разъ, въ Лекко? При этой мысли у Джено пошелъ морозъ по кожѣ... Не вернуться ли?.. Стоитъ ли рисковать?.. Но почему бы нѣтъ? Отвага—мать успѣха. Если его увидятъ, онъ успѣетъ бросить табакъ черезъ бортъ въ воду. Въ предвидѣніи такой случайности онъ привязалъ даже къ тюку одинъ изъ камней, которые находились на носу лодки для равновѣсія.

Онъ снялъ шляпу, перекрестился и, выйдя изъ бухты, направился къ мысу Леццено.

Но едва онъ вышелъ изъ-подъ прикрытія, какъ зловѣщій скрипъ, такъ хорошо знакомый Джино, заставилъ его похолодѣть отъ ужаса...

Приближалось развѣдочное судно...

Ослѣпительный потокъ свѣта вспыхнулъ передъ глазами Джино такъ неожиданно, что онъ не могъ удержаться, чтобы не вскрик-

нуть. Передъ лицомъ неминуемой гибели онъ вспомнилъ Пьеринну, потомъ „ихъ“ Мадонну и возопилъ къ ней о помощи. Съ такимъ усердіемъ онъ никогда еще не молился, но отъ испуга онъ перепуталъ имена и назвалъ Мадонну именемъ своей невѣсты. Стоголосое эхо со смѣхомъ подхватило его крикъ и, передразнивая и насмѣхаясь, понесло его по горамъ и долинамъ.

Онъ задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Все происходившее затѣмъ онъ видѣлъ, какъ въ бреду. Какія-то живыя и гибкія тѣни кружились надъ его лодкой, то нагибались къ нему, то, отбѣжавъ, плясали и кривлялись на фонѣ ослѣпляюще-яркаго свѣта. Джино закрывалъ глаза, въ надеждѣ отогнать страшное видѣніе, но оно не уходило; пугаясь все болѣе, онъ открывалъ глаза и снова видѣлъ его передъ собою. Тѣни умножались и росли въ вышину, такъ что, наконецъ, заслонили собою и тѣ ослѣпительные огни позади, которые такъ испугали молодого контрабандиста. Вода снова сдѣлалась темною. Въ то же время маленькіе столбики тумана стали подниматься по

всей поверхности озера, быстро выросли въ огромныя колонны и, соединившись въ одно густое облако, встали между развѣдчикомъ и лодкой. Черезъ нѣсколько мгновеній вся покрестность, окутанная клубами тумана, погрузилась въ непроницаемый мракъ, въ которомъ яркій свѣтъ прожектора былъ безсиленъ и казался потухающимъ свѣтиломъ.

Джино пришла мысль воспользоваться туманомъ для бѣгства.

Тутъ только онъ почувствовалъ, что силы оставили его, и ихъ не хватаетъ даже на то, чтобы удержать весла. Его снова забила лихорадка. Онъ выпустилъ весла, и лодка пошла по теченію. Пока онъ обдумывалъ, что предпринять, надъ самымъ ухомъ его раздался звонъ колокольчика. Самъ по себѣ этотъ тоненькій звукъ не представлялъ ничего необычайнаго. Джино зналъ, что на этой сторонѣ озера особенно хорошо ловится рыба, и такими звонками здѣсь оповѣщаетъ о подъемѣ уровня воды странствующій водомѣрный плотъ, но напуганный только что случившимся онъ повернулъ голову и началъ всматриваться.

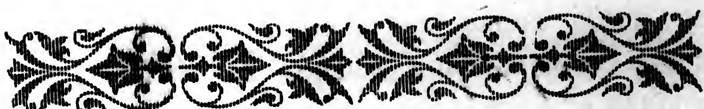
Зрѣлище, которое представилось его глазамъ, было такъ необычайно, такъ сверхъестественно, что онъ сначала протеръ глаза, потомъ ущипнулъ себя въ руку, потомъ укусилъ себѣ губу, чтобы удостовѣриться, что это—не сновидѣніе...

Маленькая Мадонна изъ олова сіяла передъ нимъ на древкѣ водомѣрнаго плота; надъ нею болтался колокольчикъ, а впереди плота ярко горѣла звѣзда, отражавшаяся въ водѣ. Плотикъ и статуя удалялись; колокольчикъ звонилъ нѣжно и настойчиво. Джино понялъ, что онъ долженъ слѣдовать за ними.

Къ нему снова вернулась энергія и, взявшись за весла, контрабандистъ поплылъ вслѣдъ за указующей ему путь Мадонной. Когда онъ отставалъ, колокольчикъ звучалъ громче, и Джино подгонялъ лодку. Такимъ образомъ онъ скоро достигъ до другого берега озера, къ Леццено, и привязалъ свою лодку рядомъ съ тою, которая перевезла его товарищей. Въ эту же минуту Мадонна исчезла, и туманъ разсѣялся.

И только тогда Джино, все еще ошелом-

ленный событіями, понялъ, что происшедшее съ нимъ было ничто иное, какъ божественный промыслъ Мадонны, „ихъ“ Мадонны, покровительницы влюбленныхъ, свершившей чудо спасенія контрабандиста и посрамленія итальянской стражи.

II.

На слѣдующее же утро Джино явился къ пресвитеру мѣстечка Ардженьо дону Винцензо, который питалъ симпатію къ сыну зажиточнаго трактирщика и поэтому принялъ Джино безъ замедленія.

Кюрэ только что кончилъ завтракать и поэтому былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Ласковымъ привѣтствіемъ встрѣтилъ онъ молодого человѣка, спросилъ, какой добрый ангелъ привелъ его къ этому скромному жилищу и пригласилъ въ гостиную.

Старая Розетта, кривая на одинъ глазъ и хромоногая служанка батюшки, знавшая обычаи своего хозяина, между тѣмъ принесла уже, не дожидаясь приказанія, бутылку граппа́ и два стаканчика.

Джино прошелъ въ гостиную, сѣлъ на предложенное хозяиномъ кресло и, не зная, въ какихъ выраженіяхъ начать разговоръ о своемъ ночномъ приключеніи, мялъ въ рукахъ свою шляпу и безнадежно молчалъ. Замѣтивъ смущеніе юноши, кюрэ закурилъ сигару и пригласилъ молодого человѣка послѣдовать его примѣру. Джино взялъ сигару, но и она не вернула ему дара слова. Тогда батюшка, зная по опыту благотворное вліяніе граппа́ на языкъ, наполнилъ стаканчики. Вскорѣ послѣ этого Джино, сначала путаясь и сбиваясь, но потомъ все увѣреннѣе и съ избыткомъ подробностей, повѣдалъ ему о своихъ похожденіяхъ въ минувшую ночь.

— Чортъ возьми, — вскричалъ донъ Винцензо. — Да вѣдь это чудо! Это — истинное чудо, клянусь Бахусомъ! Чудо и милость Господня!

Онъ пододвинулся къ Джино.

— И ты говоришь, сынъ мой, это произошло вчера ночью?

— Да, около часа утра.

— И я спалъ!

Донъ Винцензо казался совершенно сконфуженнымъ, что спалъ въ такую великую минуту, когда такъ близко отъ него свершалось чудо.

— Ты хорошо сдѣлалъ, что увѣдомилъ меня, мой сынъ. Ты очень хорошо поступилъ.

— Да развѣ я дуракъ,—вскричалъ Джино, вдохновляясь и отъ похвалы и отъ новаго стаканчика граппа́,—что скрою такую тайну для одного себя? Я вчера же разсказалъ все Пьериннѣ. Она мнѣ и посовѣтовала пойти къ вамъ.

— Пьеринна дала тебѣ мудрый совѣтъ.

— Она мнѣ сказала еще: „Я думаю, Джино, мы должны поставить двѣнадцать свѣчей передъ нашей Мадонной и заказать вырѣзать красивую надпись латинскими буквами на мраморной доскѣ, чтобы поставить ее, съ благословенія господина кюрэ, въ часовнѣ у подножія статуи“.

— Двѣнадцать свѣчей! Мраморную доску!

Это очень благолѣпно, и Пьеринкѣ пришла святая мысль,—сказалъ донъ Винцензо съ ласковой улыбкой,—но знаешь ли ты, что это будетъ стоить — двѣнадцать свѣчей и доска изъ мрамора? Конечно, для божественнаго чуда никакіе расходы не могутъ считаться слишкомъ большими, но Пьеринна не богата, а твой отецъ не выпуститъ зря копеечку.

Молодой человѣкъ подмигнулъ глазомъ и сказалъ:

— У меня есть деньги.

— Ахъ, да: вѣдь ты—контрабандистъ. Я и забылъ...

Джино уловилъ оттѣнокъ презрѣнія въ интонаціи батюшки, и его лицо потемнѣло.

Донъ Винцензо успокоилъ его:

— Ба! Я сказалъ совсѣмъ не въ порицаніе тебѣ. У меня отецъ и дядя занимались контрабандой, когда ты еще не родился на свѣтъ, а дѣдушка еще раньше ихъ обоихъ. Да и я самъ, когда былъ мальчишкой, быть можетъ, помогалъ имъ, хотя и не помню навѣрное. Господь никогда не запрещалъ людямъ пользоваться благами сосѣд-

ства. Ты и самъ видишь теперь, что Мадонна покровительствуетъ этому занятію... Ахъ, чортова утроба!—вскрикнулъ онъ съ досадой, ударивъ своей пухлой рукой по ляжкѣ Джино,—вѣдь чудо-то это она сдѣлала для тебя!

И, пустивъ къ потолку длинный столбъ сизаго дыма, таинственно спросилъ:

— Скажи мнѣ, сынъ мой... это не наважденіе, это была на самомъ дѣлѣ статуэтка изъ часовни, что ты видѣлъ на озерѣ?

— Это она! Я могу подтвердить это на исповѣди!

Донъ Винцензо всталъ и, подойдя къ открытому окну, задумчиво окинулъ взоромъ мирныя горы и тихія долины, разстилавшіяся на противоположномъ берегу озера.

— Вотъ когда окрестные священники лопнутъ отъ зависти!—сказалъ онъ мечтательно.

И передъ умственными очами дона Винцензо пронеслись обольстительныя перспективы.

На мѣстѣ жалкой деревенской часовенки гордо высится богатый роскошный храмъ; стѣны его и престолъ увѣшены маленькими костылями изъ золота, серебряными серд-

цами, восковыми изображеніями страдавшихъ и исцѣленныхъ членовъ человѣческаго тѣла... Со всѣхъ странъ свѣта стекаются паломники; онъ, донъ Винцензо, встрѣчаетъ ихъ, принимаетъ отъ богомольцевъ богатыя приношенія, затѣмъ идетъ отправлять богослуженіе предъ новымъ престоломъ, вылитымъ изъ бронзы и мрамора съ золотыми украшеніями, достойными чудотворной святыни...

— Развѣ вы думаете оповѣщать окрестныхъ священниковъ? — прервалъ теченіе этихъ пріятныхъ мыслей встревоженный молодой человѣкъ.

— Думаю ли я оповѣщать!—быстро повернулся къ нему донъ Винцензо;—я не думаю, я обязанъ оповѣстить весь округъ, всю Ломбардію, всю республику, всю Европу, мой сынъ! Твое имя произнесетъ самъ Его Святѣйшество папа въ Римѣ!.. И мое произнесетъ,—сказалъ онъ тихо, какъ бы въ раздумьи. — Подумай только: какое чудо! Это событіе величайшей важности и можетъ имѣть исключительныя послѣдствія... Оно обогатитъ сотни тысячъ людей; у однихъ оно укрѣпитъ въ сердцахъ потухающую

вѣру, у другихъ зародитъ ее вновь! Да какъ знать? Пути Провидѣнія неисповѣдимы: быть можетъ, черезъ это чудо Оно ведетъ къ спасенію нашъ родъ людской? Да, нашъ грѣшный и суетный родъ людской!

Но Джино, повидимому, своя собственная судьба интересовала болѣе, нежели судьбы грѣшнаго рода человѣческаго. Онъ робко спросилъ:

— Мое имя произнесетъ самъ Святѣйшество? Но тогда, значитъ, весь свѣтъ узнаетъ, что я—контрабандистъ?

— Я не замѣчалъ прежде, чтобы ты стыдился своего ремесла.

— Я и теперь не стыжусь, но всякій бы назвалъ меня глупцомъ, если бы я сталъ кричать на перекресткахъ, что не признаю законовъ моей страны. Развѣ вы не понимаете, что это выйдетъ доносъ на самого себя и въ слѣдующую же экспедицію я встрѣчусь носомъ къ носу съ пограничниками. Будьте покойны, они не пощадятъ меня во имя чуда.

— Что же ты такъ горячишься? Если ты встрѣтишься носомъ къ носу со стражей,

ну, что же? Опять помолись Мадоннѣ, и она сдѣлаетъ второе чудо для тебя!

— А если не сдѣлаетъ, донъ Винцензо? Если меня схватятъ и посадятъ въ тюрьму?

Кюрэ всталъ въ негодующую позу и, скрестивъ на груди руки, сказалъ:

— Ахъ, такъ вотъ какъ, мой сынъ! Свои интересы ты ставишь выше, чѣмъ интересы великой католической церкви?

— Нѣтъ... но не лучше ли огласить дѣло не сразу, а постепенно... не донося Его Святѣйшеству. Чудо отъ этого не перестанетъ быть чудомъ.

У пресвитера даже голосъ перехватило отъ негодованія.

— А, такъ вотъ какой ты себялюбецъ,— могъ только произнести онъ, но послѣ небольшой паузы прибавилъ:

— А я-то думалъ, что на тебѣ почилъ Духъ Божій!

Онъ принялся ходить вдоль и поперекъ гостиной, но вдругъ снова круто повернулся къ Джино:

— Но если ты хотѣлъ одинъ воспользоваться имъ, твоимъ сатанинскимъ чудомъ, такъ зачѣмъ же ты пришелъ ко мнѣ?

— Я вамъ уже сказалъ. Я думалъ, что такую великую тайну нельзя оставлять только между мною, моей невѣстой и Мадонной. А къ вамъ мы—я и Пьеринна—имѣемъ довѣріе.

Слово „довѣріе“ очень польстило батюшкѣ. Онъ замолчалъ и налилъ стаканчики граппа́. Потомъ снова зашагалъ по комнатѣ.

— Довѣріе ко мнѣ!.. Довѣріе ко мнѣ...— повторялъ онъ самодовольно.

Джино поднялся.

— Выслушайте, что я скажу вамъ, донъ Винцензо: вы утверждали полчаса тому назадъ, что Мадонна можетъ совершить для меня еще одно чудо.

— Я утверждаю это и сейчасъ!

— Не могла ли бы она совершить одно и для васъ?

Донъ Винцензо отъ изумленія остановился и, не глядя юношѣ въ глаза, сказалъ:

— Объяснись понятнѣе.

— Извольте. Теперь ясно, что наша Мадонна чудотворная и, значитъ, если ей помолиться усердно и не жалѣть приношеній, не смилостивится ли она и не сотворитъ ли

еще одно, хотя бы самое маленькое чудо...— какое — это ужъ ей лучше знать. Да, маленькое чудо, но о которомъ вы могли бы огласить по всему міру и доложить папѣ, безъ необходимости упоминать мое имя.

Пастырь кусалъ губы отъ досады на эту упрямую овцу изъ его духовнаго стада. Однако онъ сдержался и кротко отвѣтилъ:

— Я и самъ не желалъ бы ничего большаго, сынъ мой, но...

— Вы сомнѣваетесь въ Мадоннѣ?

— Нѣтъ, конечно, но...

— Вотъ что: она, повидимому, благосклонна ко мнѣ и къ Пьериннѣ. Если каждое утро и каждый вечеръ мы будемъ молиться ей: „наша маленькая Мадонна изъ олова, окажи твою милость намъ и сотвори чудо въ честь дона Винцензо Конти, кюрэ мѣстечка Ардженьо“, она насъ услышитъ, я увѣренъ. Молитесь и вы: Мадонна не будетъ глуха къ вашимъ молитвамъ, потому что на самомъ дѣлѣ вы добрѣе, чѣмъ вы хотите казаться.

Донъ Винцензо, обезоруженный этимъ наивнымъ признаніемъ, невольно улыбнулся и отпилъ глоточекъ граппа́.

Джино рѣшилъ, что дѣло улажено.

— Такъ, значитъ, вы согласны? Будемъ держать это чудо въ секретѣ?

— Ты такъ этого хочешь?

— Конечно.

Священникъ тяжело вздохнулъ:

— Пусть будетъ по-твоему.

— О! благодарю васъ, донъ Винцензо!

Джино сложилъ уже руки, чтобы принять благословенiе, но священникъ остановилъ его жестомъ.

— Нѣтъ. Ты хитрый малый, и я сдѣлалъ большую ошибку, что уступилъ твоей просьбѣ. Я не знаю твоихъ намѣренiй и боюсь скомпрометировать наше пастырское благословенiе.

Но когда Джино попрощался и направился къ выходу, достойный отецъ удержалъ его за рукавъ:

— Кстати. Вы переправляете изъ-заграницы преимущественно табакъ?

— Да, табакъ.

— Иногда попадаются превосходныя сигары изъ Швейцарiи.

И донъ Винцензо повертѣлъ между пальцами свою скверную „мингетти".

— Запомни же, сынъ мой, что я очень люблю хорошія сигары.

Джино усмѣхнулся и, повернувшись къ выходу, сказалъ:

— Не забуду. Будьте покойны... Прощайте, донъ Винцензо.

— Прощай, Джино.

Оставшись одинъ, кюрэ прибралъ бутылку съ граппа́ въ буфетъ и сказалъ вслухъ:

— Это мнѣ нравится! Упустить такое богатое чудо, которое само плыветъ въ руки, чтобы бѣжать за другимъ, о которомъ не знаешь, совершится ли оно. Нашелъ дурака!

---

* * *

На слѣдующій день послѣ вечерни донъ Винцензо пошелъ прогуляться по дорогѣ, ведущей въ Диццаско.

Всѣ встрѣчные отвѣшивали ему почтительные поклоны, и если онъ отвѣчалъ не на каждый, то совсѣмъ не изъ гордости, а только по разсѣянности, такъ какъ кюрэ былъ занятъ важными мыслями.

Дойдя до поворота дороги, гдѣ на пригоркѣ высилась маленькая круглая часовенка, столь дорогая для Джино и Пьеринны, донъ Винцензо остановился; не безъ труда преодолѣвъ ступеньки портика, онъ обошелъ вокругъ колонны.

Внизу у его ногъ разстилались поля, спускающіяся террасами къ озеру, водоемы и источники; еще ниже, сбившись въ кучки и какъ будто крѣпко прижимаясь другъ къ другу, тѣснились домики Ардженьо съ балкончиками, обвитыми гирляндами развѣшенной для просушки кукурузы, золотистыя лепестки которой все еще блестѣли,

какъ будто споря съ первыми вечерними тѣнями. Едва замѣтная рябь волновала поверхность озера. Потухалъ послѣдній лучъ заката на вершинѣ Белладжіо...

Внимая этой прелюдіи наступающей ночи, донъ Винцензо думалъ: какая дивная обстановка для святого мѣста! И какую сильную конкуренцію составимъ мы Мадоннѣ Соккорской!

Изъ воротъ сосѣдней остеріи выѣхала карета. Тамъ справляли свадьбу, и гости съ кликами и смѣхомъ вставали изъ-за свадебнаго ужина. Подъ сводами воротъ молодежь играла въ крокетъ; на балконѣ настраивали мандолины, и первые аккорды ихъ нѣжно звенѣли въ вечерней тишинѣ.

Донъ Винцензо все еще стоялъ передъ часовенкой, и, отдавшись на волю своего причудливаго воображенія, мысленно перестраивалъ это граціозное маленькое зданіе примитивнаго стиля въ величественное сооруженіе, центръ католическаго міра...

Онъ перешелъ уже къ деталямъ и пришелъ къ заключенію, что аллея, закопченная монументальнымъ мраморнымъ престоломъ на пьедесталѣ уступами, была бы эффект-

нымъ авеню для реномэ святого мѣста, но открывшійся въ это время моднымъ вальсомъ свадебный балъ прервалъ теченіе его благочестивыхъ мыслей.

Взрывъ бѣсовскаго веселья возмутилъ батюшку, и онъ направился къ дверямъ часовни, гдѣ за рѣшеткой висѣла кропильница для воды. Обмокнувъ туда пальцы, онъ убѣдился, что кропильница давно уже стоитъ безъ воды, такъ какъ на днѣ ея, покрытомъ пескомъ, выросли сорныя травы.

Донъ Винцензо всталъ на колѣни, чтобы помолиться, но вскорѣ шумъ приближающихся шаговъ заставилъ его повернуть голову. Несмотря на то, что уже стемнѣло, онъ различилъ три фигуры, идущія по направленію къ часовнѣ. Вскорѣ онъ узналъ въ нихъ своего дьячка въ сопровожденіи Джино и Пьеринны, несшихъ какой-то большой свертокъ.

— А, это вы, дѣти мои! Мнѣ доставляетъ радость видѣть васъ у этого святого мѣста.

— И мы тоже очень рады встрѣчѣ съ вами, господинъ кюрэ, — любезно отвѣтила Пьеринна.

— Мы принесли свѣчи. — сказалъ Джино.—

Закхео захотѣлъ самъ пойти съ нами, чтобы открыть двери,

— Войдемъ же,—пригласилъ донъ Винцензо,—я тоже помогу вамъ.

Они вошли въ часовню, и черезъ минуту вся внутренность ея засіяла десятками огней. Такой иллюминаціи деревенская часовенка не видѣла еще со дня своего основанія. Непривычный свѣтъ спугнулъ ласточекъ и обезпокоилъ пауковъ, обычныхъ жителей капеллы.

Пьеринна замѣтила, что статуэтка очень выигрываетъ при такомъ большомъ освѣщеніи.

Джино едва удерживался, чтобы не захлопать въ ладоши отъ радости.

Это необычайное освѣщеніе въ часовнѣ привлекло гуляющихъ; гости на свадебной вечеринкѣ въ остеріи также встревожились. Вальсъ оборвался и нѣсколько молодыхъ людей прибѣжали узнать, въ чемъ дѣло; они, въ свою очередь, крикнули остальнымъ и тѣ присоединились къ нимъ; вслѣдъ за гостями явились и новобрачные, и вся эта ватага хлынула въ часовню.

Такое неожиданное нашествіе вызвало до-

саду у Джино, но очень польстило Пьериннѣ, такъ какъ донъ Винцензо засвидѣтельствовалъ, что это—хорошая примѣта.

Всѣ запѣли молитву, но въ это время музыкантъ, на обязанности котораго было вертѣть ручку механическаго піанино, чтобы созвать танцующихъ, въ третій разъ заигралъ тотъ же вальсъ.

Хорошо знакомая всѣмъ мелодія моднаго вальса помимо воли молящихся примѣшалась къ церковному напѣву и сообщила молитвѣ свой ритмъ, оставивъ только слова. Это очень смутило присутствующихъ, и больше всѣхъ, конечно, батюшку...

Молитва кончилась; свадебная процессія, выйдя изъ часовни, собралась въ хороводъ и со смѣхомъ и шутками скрылась подъ сводами остеріи.

Джино взялъ дона Винцензо подъ локоть и съ таинственнымъ видомъ вывелъ его изъ часовни.

Пьеринна скромно отошла въ сторону.

Дьячекъ притворилъ дверь.

— Что тебѣ, сынъ мой?—спросилъ кюрэ.

— Соблаговолите принять это, — сказалъ

шепотомъ молодой человѣкъ и сунулъ въ руку батюшкѣ какой-то ящикъ.

— Что это?

Джино опять что-то шепнулъ ему на ухо.

— Сигары! — невольно вскрикнулъ донъ Винцензо.

— Тише!

— Сигары изъ Швейцаріи! Ты вспомнилъ о нихъ, Джино! Знаешь, ты—очень хорошій мальчикъ!

— Я вамъ принесу еще! Прощайте.

И молодой контрабандистъ пошелъ разыскивать свою невѣсту.

Донъ Винцензо посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и сказалъ про себя:

— Вотъ добрыя дѣти, которыя заслуживаютъ счастья.

Потомъ онъ позвалъ дьячка, попросилъ его одолжить ножичекъ и подержать ящикъ, съ котораго онъ снялъ крышку.

— А ты куришь, Закхео?

Дьячекъ, предвидя угощеніе, сказалъ:

— Грѣшенъ. Покуриваю понемножку, когда придется.

Кюрэ пошарилъ въ карманахъ, досталъ

свои двѣ старыя „мингетти“ и надменно протянулъ ихъ Закхео.

— Вотъ тебѣ. Угощайся.

Закхео поблагодарилъ и немного разочарованный въ ожиданіяхъ пошелъ домой.

Донъ Винцензо выбралъ себѣ превосходную гаванну, понюхалъ ее, поднесъ къ уху и помялъ въ пальцахъ, послушалъ, какъ она хруститъ, затѣмъ аккуратно обрѣзалъ кончикъ, зажегъ и съ наслажденіемъ пустилъ вверхъ, къ первымъ загорающимся звѣздамъ, струю ароматнаго дыма.

Прежде чѣмъ спуститься къ Ардженьо, онъ еще разъ оглянулся на часовню и на оловянную Мадонну.

— Сотворитъ ли она чудо для меня?— тоскливо подумалъ кюрэ.

Потомъ, смакуя сигару, успокоился.

— Ну, если даже и не сотворитъ, то во всякомъ случаѣ долго еще будетъ доставлять мнѣ такія сигары!..

---

* * *

Въ слѣдующее воскресенье донъ Винцензо обѣдалъ въ Каденнабіо у графини Радони, когда-то примадонны миланскаго Scala и тридцать лѣтъ тому назадъ обвѣнчавшейся, не безъ скандала, съ графомъ Эрико Радони. Она недавно овдовѣла и рѣшила навсегда поселиться въ своемъ имѣньи, въ окрестностяхъ котораго она, за свою набожность и щедрость, пользовалась большимъ уваженіемъ.

Съ самаго начала іюня и до послѣднихъ дней октября донъ Винцензо каждое воскресенье получалъ приглашеніе къ столу графини. Онъ ей нравился: кюрэ былъ такой милый, зналъ такую массу анекдотовъ и такъ очаровательно ихъ разсказывалъ.

Старая графиня знала склонность кюрэ къ чревоугодію и баловала его самыми изысканными блюдами. Изъ графскаго подвала къ воскресенью извлекались настоящія сокровища по своей древности.

Въ этотъ вечеръ донъ Винцензо, какъ

единственный приглашенный къ обѣду графини, занялъ мѣсто между хозяйкой и барышней-компаньонкой графини. Обѣдъ былъ сервированъ на террасѣ, обвитой цвѣтущими розами, которыя благоухали такъ, какъ будто подъ ихъ сѣнью должны были обѣдать новобрачные.

Графиня замѣтила, что сегодня, противъ обыкновенія, батюшка не спросилъ себѣ вторую порцію жаренаго и не допилъ своего второго стаканчика.

Увы! Причиной этому было тревожное состояніе духа, не покидавшее дона Винцензо съ того утра, когда онъ далъ контрабандисту слово хранить молчаніе о чудѣ арджень-онской Мадонны. Мысль, что этимъ словомъ онъ самъ разрушилъ такое близкое и такое возможное собственное счастье, неотступно глодала сердце батюшки съ того дня. Старая графиня, наконецъ, рѣшилась спросить о причинѣ его настроенія.

Онъ отвѣтилъ уклончиво, что каждый добрый пастырь не можетъ чувствовать себя спокойнымъ, видя, какъ падаетъ вѣра въ сердцахъ, разрушаемая прогрессомъ новыхъ

идей, какъ приближаются тяжкія времена царства антихристова.

Сокрушенный видъ дона Винцензо такъ разсмѣшилъ графиню, что она, наконецъ, не удержалась и со смѣхомъ спросила, не подали ли батюшкѣ случайно нелюбимое вино.

Онъ тоже засмѣялся, залпомъ опорожнилъ свой стаканчикъ орвіето, и они спустились въ паркъ.

Мадонна изъ олова все еще занимала мысли священника, поэтому понятно, что ее онъ избралъ темой для разговора.

— Это изваяніе — величайшая святыня: она чудотворная,—произнесъ онъ съ благоговѣніемъ. Вамъ слѣдовало бы, графиня, когда-нибудь пойти посмотрѣть ее... Она—покровительница двухъ обрученныхъ въ нашемъ мѣстечкѣ...

И понизивъ голосъ, кюрэ прибавилъ:

— Я не далекъ отъ увѣренности, что эта маленькая Мадонна могла бы сдѣлать величайшія чудеса... по молитвѣ праведныхъ, конечно... Я позволяю себѣ утверждать это... Позволю себѣ сказать больше...

Онъ остановился, но отъ любопытной графини не такъ легко было отдѣлаться. Она просила продолжать.

— Да, я разрѣшаю себѣ сообщить вамъ, что однажды ночью ее видѣли явившейся въ другомъ мѣстѣ... не въ часовнѣ...

— Въ другомъ мѣстѣ, не въ часовнѣ?— вскричала старая дама.—Но вѣдь это же и есть чудо?

Донъ Винцензо посмотрѣлъ на нее.

— Развѣ я сказалъ это слово?

— Вы его не сказали, но я сама говорю, я! Статуя, которая можетъ перемѣщаться съ одного мѣста на другое безъ чьей-либо помощи, есть чудотворная статуя!

Священникъ былъ уже на волоскѣ отъ того, чтобы разболтать все графинѣ, если-бъ сигара, которую онъ собирался въ эту минуту закурить, не напомнила ему о Джино и о данномъ словѣ. И въ первый разъ въ жизни благочестивый отецъ рѣшился прибѣгнуть ко лжи.

— Къ моему огорченію, я долженъ сказать, что она никогда еще не покидала часовни.

— Это очень жаль, господинъ кюрэ. Какъ однако жаль!

— Но при всемъ томъ,—возразилъ донъ Винцензо,—я утверждаю, что она, эта маленькая Мадонна изъ олова...

— Развѣ она—изъ олова?

— Изъ гипса, собственно говоря... Но она покрыта оловянной бумагой усердіемъ одного прелестнаго дитяти нашего мѣстечка, набожность котораго мнѣ хорошо извѣстна,—и съ тѣхъ поръ ее называютъ оловянной...

— Итакъ, вы думаете,—прервала его графиня,—что она можетъ совершать чудеса, ваша статуя?

— Да, графиня, поразительныя чудеса!—сказалъ батюшка, поднявъ указательный палецъ къ небу.

Экспрессія, съ какою онъ произнесъ эти слова, привела въ восторгъ бывшую актрису.

Немного спустя, донъ Винцензо откланялся.

Оставшись одна, графиня сѣла на скамейку подъ лавровыми деревьями и, закуривъ сигаретку, задумалась надъ таинственными словами своего друга.

... Онъ что-то скрылъ отъ меня. Да, что-

то скрылъ... Но въ слѣдующее воскресенье я заставлю его договорить... Онъ ждетъ чуда отъ своей Мадонны! Милый простачекъ! Простачекъ?.. Но почему? Развѣ на свѣтѣ уже не случалось столько необычайныхъ вещей, которыхъ мы были очевидцами... Особенно за эти послѣдніе годы...

Графинѣ, повидимому, пришла какая-то необыкновенная мысль. Она даже встала со скамейки и вслухъ спросила себя:

— Развѣ это дурно—облегчить совершеніе чуда?

Но тотчасъ же сама возразила:

— Да, обманывать Небо—это, вѣроятно, очень тяжкій грѣхъ... Какъ могло такое придти мнѣ въ голову!.. Но... чудо! Это было бы такъ важно для поддержанія религіи. Вѣдь только что господинъ кюрэ жаловался на прогрессъ новыхъ идей и на оскудѣніе вѣры въ сердцахъ...

И, вернувшись въ будуаръ, она приняла рѣшеніе настолько важное, что по разсѣянности тотчасъ же высказала его вслухъ:

— Одной мнѣ будетъ трудно сдѣлать это. Нужно будетъ выбрать кого-нибудь въ повѣренные... хотя бы садовника... Онъ—са-

мый надежный изъ моихъ слугъ... Ахъ! Быть можетъ, Небо не слишкомъ строго взыщетъ съ меня за мой поступокъ... Я хочу сдѣлать это во славу Божію... и для посрамленія нечестивыхъ... И донъ Винцензо будетъ такъ счастливъ!..

Къ счастью, камеристки въ это время не было въ будуарѣ...

* * *

Первое воскресенье въ октябрѣ — день большого крестнаго хода въ Ардженьо.

По обычаю, съ самаго разсвѣта дома разукрасились флагами и гирляндами цвѣтовъ; у площадокъ передъ домами женщины устроили импровизированные алтарики.

Джино и Пьеринна сіяли счастьемъ. Они переходили отъ группы къ группѣ и не находили достаточно словъ, чтобы выразить свою радость. Подумать только: господинъ кюрэ сказалъ имъ, что маленькую Мадонну изъ олова понесутъ сегодня въ процессіи, подъ балдахиномъ и съ знаменами, по всѣмъ улицамъ Ардженьо!

— Какъ хорошо бы было,—думалъ донъ Винцензо, — если-бъ чудо совершилось во время крестнаго хода!.. Хотя бы самое маленькое-маленькое чудо!.. Вѣдь большая часть чудесъ совершается именно во время крестнаго хода... Столько очевидцевъ, торжественная обстановка, благоговѣйное настроеніе простыхъ сердецъ... Толпа всегда

увеличиваетъ размѣры событія, и обаяніе божественнаго вмѣшательства неотразимо дѣйствуетъ па нее...

Достойный кюрэ вспомнилъ, какъ часто онъ слышалъ объ исцѣленіи хромыхъ во время крестнаго хода... и подумалъ, какъ хорошо бы было, если-бъ это случилось именно съ его домоправительницей—Розеттой... Если бы, поднявъ свои руки съ четками къ Мадоннѣ, она вдругъ почувствовала, что къ правому глазу ея вернулось зрѣніе и къ немощнымъ ногамъ твердая и быстрая походка,—мечталъ донъ Винцензо,—какъ бы это было поучительно для ихъ пастыря, которому служила бы благообразная и ловкая служанка!..

Обрученные получили позволеніе самимъ вынести „свою“ Мадонну изъ часовни, и дьячекъ вручилъ Джино ключъ отъ святыни.

Молодые люди были такъ счастливы событіями этого утра, что за все время пути до часовни поминутно цѣловались, если не было встрѣчныхъ вблизи. Подойдя къ жертвеннику, они вдругъ почувствовали страхъ; не оскорбятъ ли они святыню своимъ прикосновеніемъ къ ней.

— Возьми ее ты,—сказала Пьеринна.

— А почему же не ты?—спросилъ Джино.

Молодая дѣвушка заставила себя подавить охватившее ее странное волненіе. Съ мельчайшими предосторожностями протянула она руки къ Мадоннѣ. Когда пальцы ея прикоснулись къ статуэткѣ, Пьеринну охватила дрожь. Она сдѣлала усиліе, чтобы поднять статуэтку, но та не трогалась съ мѣста. Пьеринна въ ужасѣ отступила назадъ и крикнула:

— Джино!

— Что съ тобой?

— Ей не угодно, чтобы ее уносили!

— Какъ?

— Она сдѣлалась тяжелая... Тяжелая, какъ свинецъ.—Теперь испугался и Джино. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ сказалъ робко:

— А если попытаюсь я?

— Нѣтъ, мой Джино, нѣтъ!

— Чего же намъ бояться, Пьеринна? Наша Мадонна слишкомъ насъ любитъ для того, чтобы желать намъ зла. И потомъ вѣдь нужно же, чтобы она участвовала въ крестномъ ходѣ...

Эта мысль вернула имъ мужество.

Джино попробовалъ взять статуэтку, но также, изумленный и встревоженный, попятился назадъ. Какой-то смутный страхъ охватывалъ ихъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Это правда, — сказалъ Джино, — она стала очень тяжелая...

— Тяжелая, какъ будто изъ свинца, — растерянно повторила Пьеринна.

— Ты права: можетъ быть, она хочетъ остаться здѣсь.

— Если и ты думаешь такъ, Джино, то нужно донести обо всемъ господину кюрэ.

— Самое лучшее! Нужно какъ можно скорѣе донести ему обо всемъ!

Въ Ардженьо они прибѣжали бѣгомъ, на этотъ разъ уже не останавливаясь для поцѣлуевъ.

Увидя ихъ запыхавшихся и съ пустыми руками, дону Винцензо пришла одна только мысль:

— Чортова утроба!.. Вы ее разбили?

— Нѣтъ, — пролепетала Пьеринна, — мы ее не разбили... Но вотъ что... Она не хочетъ, чтобы ее вынесли...

Донъ Винцензо вытаращилъ глаза.

— Какъ? Какъ ты сказала? Гипсовая Мадонна не хочетъ, чтобы ее вынесли?

Пьеринна однимъ духомъ разсказала все, чему они съ Джино были свидѣтелями.

— Я долженъ самъ пойти съ вами въ часовню,—вскричалъ донъ Винцензо, немного теряя голову, потому что въ случившемся онъ предчувствовалъ близость давно желаннаго чуда.

Какъ разъ въ эту минуту подъ окнами кюрэ прошелъ дьячекъ.

— Закхео!—крикнулъ священникъ,— мы идемъ въ часовню! Иди и ты, да собери народъ!

Потомъ, обернувшись къ молодымъ людямъ, сказалъ:

— Чтобы установить чудо, ничего не слѣдуетъ упускать; запомните это!

Донъ Винцензо, Пьеринна и Джино быстро шагали впереди, взрывая придорожный песокъ. Закхео шелъ за ними и съ удивленіемъ спрашивалъ себя, почему они такъ спѣшатъ. И такъ какъ онъ, по приказанію кюрэ, приглашалъ всѣхъ встрѣчныхъ слѣдовать за ними, то вскорѣ впереди него составилась огромная толпа, которая во весь

духъ, какъ будто на штурмъ крѣпости, устремилась на пригорокъ.

Послѣ многократныхъ земныхъ поклоновъ, донъ Винцензо многократно же осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и, приблизившись къ Мадоннѣ, попытался поднять ее съ жертвенника. Лицо его и мускулы рукъ выражали сильное напряженіе, но статуя не поддавалась усиліямъ и не трогалась съ мѣста. Кюрэ съ изумленіемъ осмотрѣлъ статуэтку, повертывая ее вокругъ оси. Сбѣжавшіеся прихожане, изъ которыхъ многіе уже знали о происшедшемъ отъ самихъ обрученныхъ, стояли, затаивъ дыханіе и ждали необыкновенныхъ событій.

Затѣмъ священникъ знакомъ подозвалъ дьячка. Когда Закхео подошелъ къ нему, батюшка очень громко спросилъ:

— Закхео, ты, помнится, когда-то служилъ подмастерьемъ у ювелира?

— Очень давно, но мой братъ и сейчасъ занимается этимъ дѣломъ.

— Я знаю. Досадно, что его нѣтъ въ Арджеиьо сегодня.

— Но онъ здѣсь со вчерашняго вечера.

Это онъ, вонъ тамъ, стоитъ на колѣняхъ у входа.

— У входа, Закхео? Пойди, позови его сюда.

И, возведя взоръ къ небу, кюрэ сказалъ:

— Это Господь послалъ его къ намъ сегодня.

Когда братъ Закхео подошелъ къ аналою, кюрэ спросилъ его:

— Сынъ мой, что ты скажешь о нашей статуэткѣ? Еще вчера всѣ мы считали ее статуэткой изъ гипса, оклеенной оловянной бумагой, а сегодня мнѣ кажется, что это—какой-то массивный металлъ!

Ювелиръ повернулъ статую къ свѣту.

— Изъ гипса? Господинъ кюрэ, вы изволите шутить. Это—прекрасная статуя и очень хорошей работы. Постойте, да я, кажется, видѣлъ эту самую статую совсѣмъ недавно у...

— Тише! Говори тише!.. Гдѣ же ты видѣлъ ее, мой добрый Ринальдо?

— На окнѣ въ мастерской одного моего товарища въ Миланѣ.

— Дубина!—тихо прошипѣлъ батюшка,—я тебя не спрашиваю, что ты видѣлъ на окнѣ у своего товарища въ Миланѣ!

И вслухъ сладко спросилъ:

— Скажи намъ, сынъ мой,—бронза ли это или какой-нибудь другой цѣнный металлъ?

— Это—статуя изъ серебра, господинъ кюрэ, въ этомъ нечего и сомнѣваться.

— Изъ серебра!—воскликнулъ кюрэ очень громкимъ голосомъ.—Но въ такомъ случаѣ мы присутствуемъ при божественномъ чудѣ!

И, обратившись къ пораженнымъ его словами прихожанамъ, сказалъ:

— Слышали ли вы, друзья мои, она—изъ серебра! Гипсовая Мадонна, принесенная въ даръ Пьеринной и Джино, превратилась въ серебряную! Идите и по всѣмъ странамъ разнесите вѣсть объ этомъ чудѣ, величайшемъ изъ всѣхъ, какія когда-либо видѣли вѣрующіе!

Никто не вышелъ изъ часовни, не приложившись прежде къ подножію чудотворной Мадонны.

Донъ Винцензо плакалъ отъ умиленія; Джино и Пьеринна цѣловались позади жертвенника.

Но дьячекъ едва было не испортилъ все дѣло.

— Мнѣ кажется, что сегодня ночью кто-то пытался взломать здѣсь дверь,—сообщилъ онъ.

— Взломать? Ты съ ума сошелъ, Закхео? Подумай, что ты говоришь! Если-бы воры входили сюда, они прежде всего похитили бы эту богатѣйшую, эту драгоцѣннѣйшую статую! Но правда, что одно прикосновенiе къ ней могло ихъ обратить въ бѣгство.

— Но все-таки несомнѣнно, что здѣсь было что-нибудь подобное, потому что замокъ отпирали поддѣльнымъ ключемъ: замочная скважина изогнута.

— Послѣ всего этого,—не смущаясь сказалъ донъ Винцензо,—нужно заключить, что здѣсь было не одно, а два чуда... Но время идетъ, а крестный ходъ назначенъ въ три часа. Вынесемъ статую и пойдемъ позавтракать...

Пьеринна пошла изъ часовни рядомъ съ нимъ и, приподнимаясь наноскахъ, чтобы достать до уха кюрэ, шепнула ему:

— Это должно было случиться, донъ Винцензо: мы съ Джино такъ просили за васъ „нашу“ Мадонну!

---

* * *

Вѣсть о чудѣ въ мгновеніе ока облетѣла окрестности, и когда черезъ два часа зазвонили во всѣ колокола къ крестному ходу, о немъ знали уже на нѣсколько миль въ окружности.

Черезъ раскрытыя царскія врата съ хоругвями и зажженными свѣчами подъ балдахиномъ изъ парчи вынесли чудотворную статую.

Толпа преклонила колѣни. Послышались вопли и рыданія, одна женщина упала безъ чувствъ; нѣмые, глухіе, слѣпые и увѣчные падали ницъ и мазали свои пораженныя болѣзнью части тѣла пылью съ мостовой, надъ которой прошла святыня.

Пьеринна и Джино въ неописуемомъ блаженствѣ шли подъ краемъ балдахина. О нихъ говорили въ каждой кучкѣ, на нихъ указывали пальцами,—они были героями дня. Каждая дѣвушка завидовала Пьериннѣ, каждый юноша желалъ быть на мѣстѣ Джино.

Раздалось стройное пѣніе дѣтскихъ голосовъ, и изъ главнаго входа въ церковь въ сопровожденіи хора и всего причта навстрѣчу процессіи вышелъ донъ Винцензо. Онъ шелъ какъ тріумфаторъ, величавой поступью, держа высоко надъ головой позолоченный дискосъ. Отъ лица и отъ праздничной ризы его исходило сіяніе. Всюду на немъ, надъ нимъ и вокругъ него сверкало золото, переливался разными цвѣтами бархатъ, шелестѣлъ шелкъ. . Путь отъ церкви былъ засыпанъ цвѣтами.

Отъ счастья и отъ аромата розъ и куреній у дона Винцензо слегка закружилась голова, такъ что по временамъ онъ долженъ былъ закрывать глаза и поэтому, вѣроятно, не замѣтилъ, что въ первомъ ряду вѣрующихъ появилась его старая пріятельница графиня Радони, благоговѣйно преклонившая колѣни при его появленіи.

Добрая благочестивая дама въ концѣ-концовъ повѣрила и сама, что чудо совершилось, забывъ, какую большую долю участія приняла она въ его исполненіи. Теперь она убѣдилась, что ни Небо, ни люди ничего не будутъ имѣть противъ этого участія, что,

напротивъ, много добрыхъ людей получили утѣшеніе и облегченіе скорбей отъ одной только мысли, что такая великая святыня поселилась среди нихъ.

Такимъ образомъ, скромная маленькая Мадонна посредствомъ двухъ чудесъ, изъ которыхъ первое было къ славѣ и второе — не къ стыду, подтвердила молодому контрабандисту мудрость изрѣченія: „Помогай самъ себѣ, и Небо тебѣ поможетъ", и не упустила случая доказать старой примадоннѣ другую менѣе извѣстную, но не менѣе справедливую истину: „Помоги Небу, и тебѣ Небо поможетъ".

Книгоиздательство „ЗВѢЗДА" Н. Орфенов.

ПЕЧАТАЕТСЯ

И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТЪ

въ свѣтъ

НОВАЯ КНИГА:

Н. Н. Русовъ.

ОЗЕРО.

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

Цѣна 1 руб.

Книгоиздательство „ЗВѢЗДА"
Н. ОРФЕНОВЪ.

Москва, Садовая-Кудринская, д. 23 (Шереметева) кв. 69.
Телефонъ 310-94.

Типографiя РЕКОРДЪ. Арбатъ, Б. Афанасьевскiй.

